

СУЕВЕРИЯ, ПОМИНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СТАРОРУССКАЯ ЭПИГРАФИКА*

А. Г. АВДЕЕВ

Аннотация: В статье анализируются нарративные источники и памятники эпиграфики Московской Руси, свидетельствующие о разных случаях насильственной («напрасной») смерти (утопление, убийство и др.), которые традиционно считались препятствием для погребения на христианском кладбище и последующего церковного поминовения. Данные, зафиксированные этнографами во второй половине XIX — XX в., дали повод связать эти представления с пережитками язычества. В статье на основе анализа расширения информативных полей в эпитафиях XVI — начала XVIII в., а также окружных посланий иерархов Русской Православной Церкви делается вывод об отсутствии препятствий к погребению на кладбище и регулярном поминовении погибших насильственной смертью. При этом надписи на поминальных крестах, установленных на месте гибели человека, символизировали его мученическую кончину. Проанализированные источники позволяют считать, что гибель на государственной службе с 60-х гг. XVI в. стала восприниматься как одна из базовых ценностей служилого сословия. Все это позволяет считать, что суеверные представления о «заложных» покойниках на Руси не связаны с язычеством. Они возникли в христианскую эпоху и были постепенно преодолены в поминальной культуре на протяжении XVI–XVII вв., сохранившись на периферии народного сознания.

Вплоть до начала XV в. одним из сложных вопросов в практике Русской Церкви был вопрос о порядке отпевания и захоронения самоубийц, утопленников и погибших насильственной смертью, связывавшийся на низовом уровне религиозной (народной, традиционной или массовой) культуры с «напрасной» (неестественной) смертью, недостойной церковного поминовения и погребения на кладбище. В народной культуре эти запреты были зафиксированы этнографами во второй половине XIX — XX в., что свидетельствует о живучести этого обычая. В начале XX в. данные представления были обобщены Д. К. Зелениным, который впервые выделил в русских народных поверьях две категории умерших — естественной и «неестественной» (преждевременной) смертью, так называемых «заложных» покойников. Основываясь на источниках XII–XVII вв. и на этнографических параллелях, исследователь полагал, что «с христианской точки зре-

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда развития ПСТГУ. См.: URL: <http://cir.rssda.su>.

ния» в погребальной обрядности ведущую роль играет отпевание в церкви, с которым рассматриваемый обычай «нимало не считается». Отсюда исследователь делал вывод, что это «новое христианское суеверие» могло возникнуть «только на почве двоеверия, под влиянием старых языческих верований» и что выкапывание «заложных» покойников «есть сохранение древнерусского *языческого* (выделено мною. — А. А.) способа погребения», хотя и признавался, что не нашел «удовлетворительного объяснения» этому феномену¹.

Выводы Д. К. Зеленина оказали определяющее влияние на изучение сельской погребальной обрядности, в том числе и на поиск в них компонентов, присущих язычеству. Так, Н. Н. Велецкая, соглашаясь, с одной стороны, с тем, что фиксируемые этнографами народные ритуалы, связанные со смертью и погребением, находятся «в рамках существовавшей в данное время похоронной обрядности» и имеют лишь «некоторые аналогии» с языческой погребальной обрядностью. С другой стороны, происхождение представлений о «заложных» покойниках исследовательница сводит к культу предков и практике ритуального убийства стариков, применительно к Древней Руси не подтверждаемой письменными и археологическими источниками². С выводами Д. К. Зеленина связаны и представления отдельных исследователей о связи некоторых типов старорусских надмогильных памятников и высеченных на них эпитафий с представлениями о «заложных» покойниках³.

В современных этнографических исследованиях наблюдается более взвешенный подход к подобным представлениям. Вне связи с язычеством материал о «заложных покойниках» рассматривается в энциклопедическом словаре «Славянские древности», где фиксируется расхождение народных представлений с «церковной точкой зрения»⁴. С. А. Штырков также не соотносит представления о «заложных» покойниках с язычеством и видит в них элемент традиционной деревенской культуры, порожденный суеверным страхом перед превращением самоубийц в демонических персонажей⁵. Это же представление характерно для отдельных публикаций старорусских эпиграфических памятников⁶. Одна-

¹ Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертию и русалки / Н. И. Толстой, вступ. ст.; Е. Е. Левкиевская, подг. текста, коммент., указат. М., 1995. С. 118, 126.

² Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 139–155; ср.: Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 39–41.

³ Золотов Ю. М. Каменный крест XVII в. со ст. Жилёво // СА. 1960. № 3. С. 335; Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 255.

⁴ Левкиевская Е. Е. Покойник «заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Н. И. Толстой, общ. ред. Т. 4: П (Переправа через реку) — С (Сито). М., 2009. С. 119.

⁵ Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012. С. 151–152.

⁶ Левина Т. В. Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // РСН–1. М., 2006; Яганов А. В. По поводу происхождения памятного креста по стряпчому С. М. Пустошкину // ВЭ. Вып. V. М., 2011. С. 362; Панченко В. Б., Фёдоров И. А. Каменные кресты из д. Войноснолово: новые исследования // Новгород и Нов-

ко в современных исследованиях по истории Московской Руси проблема «заложных» покойников либо абсолютизируется как одно из важнейших явлений массовой культуры этой эпохи⁷, либо их взаимосвязь признается недостаточно корректной⁸.

В православной погребальной обрядности не менее важными элементами, чем отпевание в церкви, являются церковное поминовение, погребение на церковном кладбище, в могиле, выкопанной в освященной земле, не говоря уже о воззрениях на греховность / негреховность смерти — элементы, не свойственные восточнославянскому язычеству. Таким образом, вопрос о «заложных» покойниках в данной статье будет рассматриваться как суеврие, возникшее в христианскую эпоху и развивавшееся в рамках христианской погребальной обрядности. Корни этого явления лежат, с одной стороны, в противоречии между поминальной практикой Русской Церкви и народными суевериями (что было отмечено Д. К. Зелениным). С другой стороны, укоренению последних способствовала длительная неотрегулированность вопроса о погребении самоубийц и умерших «напрасной» смертью в каноническом праве Руси. Изначально поминальная практика Древней Руси базировалась на византийской традиции. Общие молитвы за живых и усопших во время литургии — ветхо- и новозаветных подвижников, церковно- и священнослужителей и мирян — совершаются на заключительной, самой вариативной, части анафоры — *intercessio* (ходатайстве) — и на проскомидии (приношении)⁹.

Тем не менее вопрос о поминовении умерших «напрасной» смертью, в том числе и самоубийц, на Руси в известном смысле был «камнем преткновения». В каноническом праве он базировался на 14-м правиле св. Тимофея Александрийского, утвержденном на VI Вселенском Соборе, согласно которому священнослужитель должен был расследовать, покончил ли с собой человек «вне ума», или же «от малодушия» — в последнем случае поминовение запрещалось. В то же время поместные соборы Западной Церкви — Арелатский (452), Орлеанский (533), Брагский (563) и др. — приняли ряд суровых, но не обязательных для Восточной Церкви постановлений в отношении самоубийц. Их запрещалось хоро-

---

городская земля: История и археология. Вып. 31: Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода. Великий Новгород, 25–27 января 2017 г. / Е. В. Носов, отв. ред. Великий Новгород, 2017. С. 80–88.

⁷ Наиболее последовательно эта мысль проводится А. И. Алексеевым (*Алексеев А. И. Установление «общей памяти» при митрополите Макарии. Исторический экскурс: церковное поминовение умерших «напрасною» смертью // Макарьевские чтения. Вып. VI: Канонизация святых на Руси. Материалы VI Российской научной конференции, посвященной памяти Святителю Макария (10–12 июня 1998 года). Можайск, 1998. С. 102–122*) и в более гипертрофированном виде А. А. Булычевым (*Булычев А. А. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 13–23*).

⁸ Подробнее см.: *Ерусалимский А. А. Между канонизированными и демонизированными: казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации // Одиссей: Человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен / А. О. Чубарьян, гл. ред.; С. И. Лучицкая, сост. М., 2010. С. 364–373.*

⁹ Подробнее см.: *Новгородские синодики XIV–XVII веков / Т. И. Шаблова, подг. текстов, исследование. СПб., 2017. С. 6–15.*

нить в церковной земле и служить по ним заупокойную службу¹⁰. Однако на Руси в XII—XIII вв. ответ на вопрос о погребении умерших «напрасной» смертью не был ясен даже для епископата. Так, в 1145 г. новгородский архиепископ Нифонт запретил отпевать двух утонувших священников¹¹. Почти век спустя епископ Серапион, в 1274—1275 гг. возглавлявший Владимирскую кафедру, осуждал паству за обычай выкапывания из могил самоубийц и утопленников, будто бы насылающих природные катаклизмы¹². Позднее прп. Максим Грек, обличавший тот же обычай, не увидел в нем языческой составляющей, но считал его «безумной и богомерзской прелестью», говоря иначе — суеверием¹³. Текстологический анализ данных источников показывает, что обличаемое в нем «язычество» неравнозначно современному пониманию этого термина и соотнесено с недостойными христиан поведением и суевериями. При этом епископ Серапион обличал его на основе примеров из Священного Писания и исторических прецедентов (в том числе из древневосточной и античной истории).

Тем не менее окружные и уставные послания митрополитов всея Руси и соборные постановления, направленные на преодоление суеверий, связанных с «заложными» покойниками, появились только в начале XV в. Видимо, впервые порядок отпевания, погребения и поминовения лиц, погибших насильственной смертью, был определен в окружном послании св. митрополита Фотия псковскому духовенству (1417), где святитель разъяснял, что тех, кто «у кого сын духовный, по грѣху, напрасно умереть <...> а не отъ своихъ рукъ, нужно утонеть, тѣхъ по закону погresti, и пѣти надъ ними, и поминати ихъ во святыхъ службахъ <...> а который отъ своихъ рукъ погубится, удавится или ножемъ избодется, или въ воду себя ввержетъ: ино по святымъ правиламъ тѣхъ не повѣлено у церквей хоронити, ни надъ нимъ пѣти, ни поминати, но въ пустѣ мѣстѣ въ яму вложить и закопати»¹⁴.

В монастырских синодиках начиная с рубежа 70–80-х гг. XV в. наблюдается устойчивая тенденция к снятию проблемы поминовения умерших «нужной» смертью. Так, в Синодике Павло-Обнорского монастыря, составленном около 1481 г., содержится одно из древнейших перечислений случаев насильственной смерти, не препятствующих церковному поминовению: «Помяни, Господи, скончавшихся на мори и на пути, гладом и жаждею, и наготою, и от иные напрасныя смерти, измерзших от мрза и запаленных от молнии. Помяни, Господи, избиенных на ратех и в темницах заключеных, от насилия мученых, от царей нечестивых за правоверную веру. Помяни, Господи, их же некому помянути, сирот, уродивых Христа ради мужьска пола и женска. Помяни, Господи, снеденех от зверей и от птиц, и от рыб, в горах и в водах, и в пещерах, и в пропастех

¹⁰ Паперно. Самоубийство... С. 66.

¹¹ Новгородская I летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 213.

¹² Слова и поучения Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб., 1997. С. 382.

¹³ [Максим Грек] Инока Максима Грека послание на безумную прелесть и богомерскую мудрствующих, яко погребания для утопленого убитого бывают плодотворительны стужы земных прозябений // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. III. Казань, 1897. С. 138–145.

¹⁴ АИ. Т. I. СПб., 1841. С. 46. № 22 (1416 г.)

земных»¹⁵. Более обширный перечень случаев «напрасной» смерти содержится в Синодике прп. Нила Сорского, составленном около 1491/92 г.¹⁶ Вероятнее всего, окончательно проблему поминовения умерших «напрасной» смертью снял прп. Иосиф Волоцкий, впервые на Руси отделивший непрощаемые грехи, к которым отнес богоотступничество, ересь и самоубийство, не подлежащие церковному поминовению, от прощаемых (в том числе и в случаях «напрасной» смерти)¹⁷. Последние могли быть по милости Божией прощены при условии постоянных поминальных молитв.

Соборное решение 1548 г. о введении общей памяти умершим закрепило поминовение погибших «от иноплеменных на бранех и на всех побоищах избиенных, и в плен сведенных, и гладом, и жаждою, и мором, и наготою, и мразом, и всякими нужными смертями умерших, и во всяких пожарех убиенных и сожженных, скончавшихся и в водах утопших, и всех православных христиан всячески умерших»¹⁸. О малой актуальности вопроса о непоминовении умерших «нужной» смертью свидетельствуют «Слово да не желаем погребатися в святых церквах», приписанное Иоанну экзарху Болгарскому, и анонимное «Слово о кладущихся в святых церквах», активно включавшиеся в предназначенные для келейного и домашнего чтения синодичные предисловия, рукописные и печатные минеи и прологи. В последнем «Слове...» даже приводился пример отцопустынников: хотя «*ѡвѣи ѡ корѣи оумроша . ѡвѣи же звѣрѣи и ѡдеи быша . ѡни ж всѣми различными мѣстами . и пѣжамн*», однако тела их не «*въ цркви лежатъ <...> нѣ пѣжѣ мѣстѣ <...> нѣ дѣшн ѡ съ агглы . радѣтсѣ*»¹⁹.

Более строгие правила касались поминовения погибших «напрасной» смертью во время игрищ, творимых мирянами в дни крупных православных праздников. В определении Владимирского собора 1274 г., изложенном в грамоте митрополита Кирилла II, эти игрища квалифицировались как бесовское занятие, приравненное к обычаям «треклятыхъ елинь». На отпевание и погребение на церковном некрополе погибших во время таких ристалищ был наложен категорический запрет: «...надъ нихъ не ходять іереи и слоужбы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близь Божиихъ церквъ. Аще которы попь дерз-

¹⁵ ГИМ ОР. Собрание Е. В. Барсова. № 952. Л. 6–6 об. Цит. по: *Афанасьева И. А.* Поминовение умерших всякого рода смертями (по материалам древнейших Синодиков-помянников) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 19–35. DOI: 10.7256/2454–0609. URL.:http://npublish.com/library_read_article.php?id=27290. Заглавие с экрана. (дата обращения: 20.09.2018).

¹⁶ *Дергачёва И. В.* Древнерусский Синодик. Исследования и тексты. М., 2011. С. 307–310.

¹⁷ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы) / Т. И. Шаболова, подг. текста и иссл. СПб., 2004. С. 6; Древнерусский Синодик: Исследования и тексты. М., 2011. С. 21–41. А. И. Алексеев не связывает эту редакцию с прп. Иосифом и дает более широкую дату создания — не ранее первой половины и не позднее 70–80-х гг. XV в. (см.: *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002. С. 141).

¹⁸ *Дергачёва И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 159–160.

¹⁹ РГБ ОР. Ф. 304.1 (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 723. Л. 46 об.

нетъ что сътворити надъ ними, да боудеть чюжь своего сана»²⁰. На исходе XVII в. в Уставной грамоте архимандриту Троице-Сергиева монастыря Евфимию (1700) патриарх Адриан вернулся к нормам, сформулированным в послании митрополита Кирилла II, но случаи «напрасной» смерти детализировал, разделив их на достойные отпевания и захоронения на церковном кладбище и недостойные. К первому случаю относились те, «кто утонуль купаючись, а не играя и не хваляся, или съ дерева убѣтся, или скоропостижною смертію безъ отца духовнаго умерь, и не отъ чюжихъ рукъ». Их полагалось «похоронить у церкви Божіи, и надъ ними отпѣвать, как и надъ прочими православными христіаны». Во втором случае — «которой человекъ обѣсится, или зарѣжется, или купаясь похваляся и играя утонеть, или вина опьется, или съ качели убѣтся, или иную какую смерть самъ надъ собою своими руками учинить, или на воровствѣ какомъ убить будеть» — патриарх велел «тѣхъ умершихъ тѣль у церкви Божіи не погребать, и надъ ними отпѣвать не велѣть, а велѣть ихъ класть въ лѣсу или на полѣ кромѣ кладбища и убогихъ домовъ». Этот запрет становится понятным из окружного послания митрополита Курского Мисаила (май 1673), который, обличая «пьянство и бѣсовское глумленіе, скоморошество со всякими бѣсовскими играми», распространившиеся среди окормляемой им паствы, отмечал: «...и отъ того незапною смертію помирають, и съ качелей убиваются»²¹. Глава Русской Церкви шел дальше и требовал в каждом случае проводить «обыск» и записывать обстоятельства и время смерти в «похоронныхъ памятяхъ», выдававшихся родственникам умершего, дублируя их в особой книге «впредь для вѣдома, кто какую смертію умре»²², что соответствовало 14-му правилу св. Тимофея Александрийского. О том, что подобные «обыски» проводились и ранее, свидетельствует составленная в 1671 г. челобитная архимандрита Паисиева Галичского монастыря Сергия о привлечении к ответственности князя Семёна Андреевича Львова, который прислал для погребения в монастыре тело своей жены со следами побоев²³. При всем этом остается неясным, отражали ли «похоронные памяти», на составлении которых настаивал патриарх Адриан, сложившуюся практику, или же глава Русской Церкви хотел установить новый порядок учета умерших и обстоятельств их кончины.

Одним из слабо используемых источников в изучении данной проблемы являются старорусские эпиграфические памятники. Тесно связанные с местами погребения и поминальной культурой, они в сопоставлении с иными категориями письменных источников позволяют выявить отношение к умершим «напрасной» смертью прямых «участников» обряда.

²⁰ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI—XV в. СПб., 1908. Стб. 95—96.

²¹ Русская вивлиофика, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы / Изд. Н. Полевой. Т. 1. М., 1833. С. 29.

²² Уставная грамота патриарха Адриана, данная архимандриту Троицкого Сергиева монастыря Евфимию / Сообщ. А. Н. Попов // Временник ОИДР. 1851. Кн. 11. Смесь. С. 34.

²³ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 78 (Документы и дела, сформированные из россыпи). Д. 707. Л. 8.

Одной из функций эпитафий на старорусских надгробиях являлось свидетельство факта благой кончины, не препятствующей христианскому погребению, на что указывала формула «преставися раб Божий». Для данного типа эпиграфических памятников методика выделения случаев «напрасной» смерти состоит в выявлении элементов расширения / изменения традиционной формулы, для других типов надписей (в первую очередь родовых поминальных таблиц и поминальных крестов) — в выявлении прямых указаний на «напрасную» смерть.

Одним из видов последней, как говорилось выше, была гибель в воде. Источники, связанные с регламентацией поминальной практики, показывают, что отношение к утопленным было неоднозначным: от запрета их отпевания (1135) к разрешению погребения и поминания наряду с умершими от естественных причин (1410, 1548) и «дифференцированного» подхода: в 1700 г. патриарх Адриан отделил утонувших в результате несчастного случая от случаев, когда кто, «купаясь похваляся и играя утонетъ», и приравнял последние к самоубийству по неосторожности, точно так же, как и смерть от алкогольного опьянения. Неясность в различении этих видов смерти, очевидно, отражает эпитафия Петру Фёдорову сыну Бурцова († 1639) из пещерного некрополя Псково-Печерского монастыря. Традиционная формула «преставися раб Божий» расширена здесь за счет добавления указания на причину смерти: «и ѹгѡпъ», что явно указывает на стремление составителя эпитафии представить «напрасную» смерть как случай благой кончины, не препятствующей христианскому погребению. Более поздняя по времени эпитафия, вставленная в стену псковского храма Воскресения Христова на Стадищи, показывает, что препятствий для захоронения утопленных на церковном погосте не было: «Лѣта 7175 году преставися рабъ божій Ивангородецъ Никонъ Исаковъ сынъ Горчаковъ, а въ 196 году мая въ 18 день преставися раба Божія Ксенія Аванасьева дочь и съ ней погребенъ сынъ ея родной Гурій Михайловъ сынъ утопшій печерянинъ»²⁴.

Об отсутствии препятствий к церковному поминовению утопших свидетельствуют родовые синодики — белокаменные плиты или надписи краской с именами храмоздателя и его умерших родственников. Они размещались в алтарной части храма для вечного поминовения. В некоторых из них (как, например, в синодике, датированном 1699 г., из московской церкви Максима Исповедника в Китай-городе) можно видеть имена утонувших, что свидетельствует об отсутствии препятствий к их церковному поминовению.

Что же касается убийства «отъ чюжихъ рукъ», то эпиграфические памятники Московской Руси сообщают о двух видах насильственной смерти — собственно убийстве и гибели на государевой службе.

Рассмотрим первый из этих видов смерти — убийство, отношение к которому в эпиграфических памятниках не было однозначным. С одной стороны, в эпитафиях с указанием на смерть в результате убийства формула «преставися раб Божий» менялась на формулу «убиен раб Божий».

²⁴ Лебедев А. Е., *свящ.* Историко-статистический очерк Псковоградской Варлаамовской церкви. Псков, 1895. С. 18. Утрачено.

Формуляр эпитафий людям, погибшим от рук убийц

Дата	Имя погибшего	Формуляр эпитафии	Местонахождение надгробия
1564 г., 15 сентября	Илья Андреевич Селивнов	ⲓⲗⲓⲁ ⲁⲛⲉⲣⲉⲏⲟⲩⲱⲥⲓⲥ {ⲉ}ⲙⲉⲧⲁ <...> ⲓⲱ ⲓⲗⲓⲁⲛⲉⲣⲉⲏⲟⲩⲱⲥⲓⲥ	Псково-Печерский монастырь, пещерный некрополь ²⁵
1606 г., 20 декабря	Князь Илья Семёнович Щетинин- Ярославский	преставися рабъ Божій убіенный	Рязань. Ольгов монастырь ²⁶
1608 г., 1 апреля	Афанасий Фёдоров сын Борков	убіенъ отъ разбойниковъ раб Божій	С. Борково (совр. Киржачский р-н Владимирской обл., ныне не существует), храм Иоанна Богослова ²⁷
1609 г., 14 марта	Князь Иван Иванович Ярославский	убіенъ	Рязань. Ольгов монастырь ²⁸
1619 г., 11 июля	Сергей Васильевич Милославский	убіенъ бысть въ Королевскій приходъ подъ Москву	С. Подолец, Владимирская обл., Юрьевский р-н., церковь Троицы ²⁹
1627 г., 5 июля	Игнатий Иванович Елагин	ⲓⲗⲓⲁⲛⲉⲣⲉⲏⲟⲩⲱⲥⲓⲥ ⲓⲗⲓⲁⲛⲉⲣⲉⲏⲟⲩⲱⲥⲓⲥ ⲓⲗⲓⲁⲛⲉⲣⲉⲏⲟⲩⲱⲥⲓⲥ ⲓⲗⲓⲁⲛⲉⲣⲉⲏⲟⲩⲱⲥⲓⲥ	Псково-Печерский монастырь, пещерный некрополь ³⁰
1663 г., 25 июня	Отрок Иван Чеполосов	убіенъ отъ работника своего, изъ резанъ ножемъ 24 раны. Здѣ и погребенъ	Улич, церковь Рождества Иоанна Предтечи на Волге ³¹

²⁵ Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. 1966. Т. VI. С. 160. № 14; вклейка. Рис. 5.

²⁶ Калайдович К. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823. С. 34. Утрачено.

²⁷ Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир, 1895. С. 352.

²⁸ Калайдович. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому... С. 34. Утрачено.

²⁹ Надписи с Русских древних памятников до конца XVII века // Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / К. Тихонравов, сост. и изд. М., 1857. С. 45; ср.: Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир, 1895. С. 448.

³⁰ Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. 1978. Т. XII. С. 74. № 37.

³¹ РГБ ОР. Ф. 256 (собрание Н. П. Румянцева). Карт. № 117. Ед. хр. 27. Л. 186.

Дата	Имя погибшего	Формуляр эпитафии	Местонахождение надгробия
1671 г., 11 мая	Князь Семён Иванович Львов	замучень бысть въ Астраханѣ <...> отъ богопротивнаго и злочестиваго богоотпадца православныя вѣры, отъ вора и разбойника, душегубца и измѣнника Стеньки Разина съ товарищи	Ярославль, Спасо- Преображенский монастырь ³²
1682 г., 15 мая	Стольник Фёдор Петрович Салтыков	убить <...> въ смятеніе на Москвѣ безвинно при державѣ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алескѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ въ началѣ царства ихъ; а убіенъ въ ихъ царскихъ чертогахъ, въ мастерскихъ сѣняхъ	Кострома, Богоявленско- Анастасиинъ монастырь ³³
1682 г., 15 мая	Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев	Ꙗ волею Всемогуꙗ ³ щаго і Весилнѣйшаго цꙗца цꙗремъ Бꙗ в смутное время ⁴ отъ воров і бунтовщиковъ убиенъ бысть рабъ Бꙗи штилѣтнꙗй ⁵ страдалецъ скончавса мѣнически <...> ⁹ вѣнцемъ страдания	Москва, родовая палатка Артамоновыхъ у церкви Николы на Столпах ³⁴
1691 г.	Отрок Фёдор Гаврилов сын [...]	Ꙗ ꙗкѣ ¹¹ ꙗкѣ ¹¹	Москва, храм Харитона Исповедника в Огородниках ³⁵
1702 г., 29 мая	Полковник Феодосій Юрьевич Кавин	убіенъ рабъ Божій <...> въ Тверскомъ уездѣ за рѣкою Волгою подѣ селомъ Владомымъ отъ разбойниковъ, будучи по сыску и поимкѣ воровъ, и погребенъ на семь мѣстѣ	Москва, церковь Введения при бывш. Новинском монастыре ³⁶
1709 г., 5 мая	Симеонъ Тимофеевичъ Струнниковъ	убіенъ	Кашин. Церковь Флора и Лавра в Лягушкиной слободе ³⁷

³² *Владимир, иером.* Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль, 1913. С. 88. Утрачено.

³³ РПН—1. М., 1914. С. 768. Утрачено.

³⁴ *Клейн В. К.* Надписи на гробницах в церкви Николы на Столпах. М., 1905. С. 6—7. № 26. Хранится в Московском Донском монастыре.

³⁵ *Беркович В. А., Егоров К. А.* Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017. С. 369. № ХИО—7.

³⁶ *Мартынов А. А.* Каменная летопись Москвы // Русский архив. 1895. Кн. 2. С. 235. Утрачено.

³⁷ РПН—1. М., 1914. С. 831. Утрачено.

Дата	Имя погибшего	Обстоятельства смерти	Местонахождение креста
1693 г., 9 ноября	Зиновий?	⁴ уѣѣ ⁵ рлк · ѣж	Урочище Полчиха, лес в 4-х км к северо-западу от дер. Ситня-Полчиха (Московская обл., Ступинский р-н) ⁴³
1693 г., 6 декабря	Крестьяне Филипп и др., работавшие на пустоши Овсяники	³ оубнннн ⁴ рлкы ѣжнн	Ельник в урочище Абис близ дер. Благовещенское (Сергиево-Посадский р-н Московской обл.) ⁴⁴

Об одном из ранних примеров установки креста, сочетающего функции поминального и памятного, под датой 7000/1492 г. сообщает Устюжский летописец, где говорится, что на месте обнаружения тела прп. Прокопия Устюжского († 1303) была «поставлена часовня и образ Успение праведнаго и крест изваян из белово камени, распятие Господа нашего Иисуса Христа в вечное воспоминание»⁴⁵.

В первой трети XVII в. традиция установки поминальных крестов дошла до Сибири. В частности, Г.-Ф. Миллер сообщил о деревянном кресте, поставленном в 1633/34 г. в Удинском остроге, с именами красноярских служилых людей, которые, как полагал историк, погибли при объясачивании местных бурят⁴⁶. Возможно, надпись на нем была оформлена как именной синодик-помянник, как это видно на примере деревянного поминального креста, установленного в часовне при Спасо-Преображенском соборе г. Соликамска над братской могилой казаков, погибших в 1591 г. во время набега татар: «Помяни, Господи, души избивенных рабов Твоих: Трофима, Флора, Тихона, Григория, Гавриила, Иова, Василия, Василия, Василия, Василия, Исидора, Исидора, Михаила, Георгия, Иуды, Иуды, Иуды, Симеона, Симеона, Афанасия, Киприана, Фомы, Иоанна, Иоанна, Иакова, Николая, Авраамия, Павла, Даниила, Иоанна, Иоанна, Иосифа, Иосифа, Иосифа, Феодора, Димитрия, Феодора, Петра, Игнатия»⁴⁷.

Ю. М. Золотов видел в подобных крестах пережиток языческих (!) верований, связанных с «заложными» покойниками, лишенными погребения на кладбище⁴⁸. Т. В. Левина, напротив, сближает поминальные кресты с кенотафами, поставленными в напоминание о месте гибели людей, чьи тела были погребены на церковном кладбище. Целью их установки, помимо эмоциональных мотивов, по мне-

⁴³ Золотов Ю. М. Каменный крест XVII в. со станции Жилево // СА. 1960. № 3. С. 299.

⁴⁴ Николаева. К изучению некрополя... С. 189; табл. 91а.

⁴⁵ Устюжский летописец // ПСРЛ. Т. 37. М., 1982. С. 108. О данном кресте см.: Святославский А. В., Трошин А. А. Крест в русской культуре: Очерк русской монументальной ставрографии. М., 2003. С. 146–147; ср.: Власов А. Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 42.

⁴⁶ Миллер Г.-Ф. История Сибири. Т. III / Изд. подг. С. И. Вайнштейн, Е. П. Батьянова. М., 2005. С. 102–103.

⁴⁷ Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА). Вып. 1: Екатеринбургская, Оренбургская и Пермская епархии / Публ. Д. Н. Шилова. СПб., 2003. С. 72. Примеч. 2.

⁴⁸ Золотов. Каменный крест... С. 335.

нию исследовательницы, была потребность «очистить и оградить место пролитой крови»⁴⁹. Некорректность этой точки зрения очевидна: очистительные обряды на местах убийств скорее характерны для культов античной эпохи. Монументальное изображение Голгофского креста указывает не только на христианский характер кончины, но и может рассматриваться как символ мученической смерти с пролитием *христианской* крови⁵⁰. Точка зрения А. В. Яганова, который полагает, что поминальные кресты устанавливались на местах гибели и захоронения лиц, не принесших перед смертью покаяния⁵¹, более соответствует источникам. Последнее обстоятельство патриарх Адриан считал единственным ограничением для христианского поминовения и погребения в случаях «напрасной» смерти, однако при условии, что человек не исповедовался в течение года до гибели.

Переломным событием для эпитафий служилым людям стала Ливонская война. В ее разгар появляются первые формулы, указывающие на гибель на *государевой службе*. «Почву» для появления таких эпитафий подготовило Соборное решение 1548 г. о введении общей памяти умершим, закрепив поминовение погибших «от иноплеменных на бранех и на всех побоищах избиенных»⁵². Указания на причины смерти служилых людей появляются в писцовых книгах. Так, в писцовых книгах Бежецкой Пятины 1544/45 и 1550/51 гг. можно встретить следующие «избыточные» сведения об обстоятельствах кончины землевладельцев: «въ животѣ не стало лѣта 7052 у собя въ помѣстии», «в животе не стало на цареве государеве службе въ Переславле въ Рязанскомъ лѣта 7058», «в животе не стало на цареве государеве службе въ Володимере лѣта 7057»⁵³. Начиная с Казанского похода (1551) по инициативе государства в синодики стали систематически включаться списки павших на поле брани⁵⁴.

Один из наиболее ранних образцов формулы «убиенъ бысть на государевой службѣ» дает эпитафия А. Т. Борисова из с. Борисоглебского близ Муром († 2 июля 1564 г.)⁵⁵. По мнению Л. А. Беляева, появление таких эпитафий продиктовано стремлением показать, будто смерть не была «напрасной» и не является препятствием к христианскому погребению, а также эмоциональными мотивами⁵⁶. Выводы исследователя не избежали некоторой модернизации: исповедь и

⁴⁹ Левина. Белокаменное надгробие... С. 181.

⁵⁰ Подробнее см.: Авдеев А. Г. К вопросу об иерусалимской символике древнерусских погребальных памятников // ВЭ. Вып. I. М., 2006. С. 202–215.

⁵¹ Яганов. По поводу происхождения... С. 362.

⁵² Дергачёва. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. С. 159–160.

⁵³ Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т. VI: Книги Бежецкой Пятины. I. 1501 г. — II. 1551 г. — III. 1564 г. СПб., 1910. Стб. 57, 340, 344–347, 597, 599, 601.

⁵⁴ Николаева С. В. Поминания воинов, жертв военных действий и репрессий как отражение социальной функции монастырей (на примере синодиков Троице-Сергиева монастыря) // Софійські читання. Матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції «Християнські святині — скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання» (м. Київ, 26–27 травня 2011 р.). Київ, 2013. С. 118–119.

⁵⁵ См.: РПН—I. М., 1914. С. 96. Надгробие сохранилось, но научной публикации не имеет. Судя по палеографии и месту нанесения эпитафии на торцевую сторону плиты, намогильный памятник был выполнен заново во второй половине XVII в.

⁵⁶ Беляев. Русское средневековое надгробие... С. 255.

причастие перед боем в Древней Руси были необходимым элементом подготовки воина к сражению⁵⁷. Источники XV–XVI вв., как и поздняя народная традиция⁵⁸, считают погибших «мечем... и ранами, и бранми» умершими «напрасной» смертью, но в случаях, не связанных с несением воинской службы⁵⁹. Гибель в бою ассоциировалась с «нужной», реже «злой» смертью, ибо человек «без всякаго исправления христианскаго погипе» от рук иноверцев и иноплеменников⁶⁰. Так в эпитафиях служилым людям, погибшим на полях Ливонской войны, на керамических плитах Псково-Печерского монастыря. Самые ранние из них датируются 1559–1560 гг. и содержат формулу, акцентирующую внимание на том, что человек пал в сражении от рук иноверцев — «убиен от немец» или «от магистра Ливонского» и т. п.⁶¹ Формула же «убиен на государевой службе» появляется здесь в середине XVII в. и только на белокаменных плитах⁶². Второй пример дает эпитафия Фёдору Ивановичу Троекурову, умершему от ран после взятия Азова (1695), где подчеркнуто, что он, «болѣзняя въ полкахъ отъ раны тоя во благочестіи христианскомъ и совершеніи церковныхъ таинствъ... сконча жизнь свою и отыде ко Господу»⁶³.

Приведенные примеры свидетельствуют, что эпитафии с указанием на гибель на государевой службе отражают перемены в менталитете служилого сословия, начавшиеся в правление Ивана Грозного. А. Е. Мусин связывает это с опричной «антикультурой»⁶⁴. Эпиграфические памятники этого времени показывают, что в основу данной смены легла идея *службы государю*. В современной отечественной историографии сложилось мнение, основанное на анализе традиционных источников второй половины XV–XVII вв., что служилые люди, как православные христиане, считали себя рабами Божьими и, по аналогии, холопами земного государя, помазанника Божьего⁶⁵. Эпитафии служилым людям, погибшим на полях сражений, наряду с формулой «раб Божий» дополненные новым информационным полем — убиен на государевой службе, — являются независимым доказательством существования данной традиции и отражают одну из базовых ценностей служилого сословия, которая возникла в результате военной реформы Ивана Грозного, выделившей службу «по отечеству», и была подкреплена установлением общей памяти умершим и регулярным синодичным поминовением павших.

⁵⁷ См.: *Афанасьева*. Поминовение умерших...

⁵⁸ *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Володозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010. С. 350.

⁵⁹ *Алексеев*. Установление... С. 16, 109, 110–111.

⁶⁰ *Власов*. Житийные повести... С. 54–55.

⁶¹ См.: *Плешанова*. Керамические надгробные плиты... С. 152–154. № 1–8.

⁶² *Она же*. Каменные надгробные плиты... С. 89. № 95 (1650–1651).

⁶³ Об эпитафии см.: *Авдеев А. Г.* К истории старорусской эпитафии: Надгробие князя Фёдора Ивановича Троекурова // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Материалы научной конференции, Ярославль, 21–22 октября 2011 г. Ярославль, 2012. С. 209–222.

⁶⁴ *Мусин А. Е.* *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. 328–332.

⁶⁵ *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 264–266; *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 30; *Курбатов О. А.* Военные реформы в России второй половины XVII века. Конница. М., 2017. С. 53.

В последней четверти XVII в. формуляр эпитафий представителей княжеских и боярских родов, убитых во время боевых действий, расширяется за счет включения в формуляр подробностей об обстоятельствах гибели на поле брани. Так, например, в эпитафии окольному Ивану Ивановичу Ржевскому, павшему во время осады турками Чигирина 3 августа 1677 г. и похороненному в Преображенской церкви г. Болхова, подробно рассказывается, как воевода «на службе Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца в Малороссийском городе Чигирине <...> в нашествии и облежании в осаде от безбожных Турецкаго султана людей от визиря и от пашей, от иных многих земель, которыя в том облежании стояли, сидел в осаде со многими государскими ратными людьми четыре недели и убиен он, раб Божий, <...> гранатною стрельбою». В заключительной части эпитафии отмечается, что гибель И. И. Ржевского предопределила падение города, «а по убиении его, околничего и воеводы, [сентября] в {5} день город Чигирин от турецких людей взят»⁶⁶.

Таким образом, наблюдения за структурой старорусских эпиграфических памятников во взаимосвязи с православной поминальной практикой и погребальной обрядностью позволяют считать «заложных» покойников историографическим фантомом, вряд ли имевшим повсеместное распространение в Московской Руси в XVI–XVII вв. Проанализированные надписи и развитие поминальной практики Русской Церкви скорее свидетельствуют о его постепенном вытеснении на периферию народного сознания.

Ключевые слова: эпиграфика Московской Руси, погребальная обрядность, насильственная смерть, «заложные» покойники, поминальная культура, язычество, христианские суеверия.

Список сокращений

- АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Собр. и изд. А. А. Федотов-Чеховский. Киев.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Императорскою Археографическою комиссиею. Санкт-Петербург.
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука.
- ВЭ — Вопросы эпиграфики / А. Г. Авдеев, отв. ред. М.: Университет Дмитрия Пожарского / Русский фонд содействия образованию и науке.
- ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.: Наука.
- ОИДР — Императорское общество истории и древностей Российских. Москва.
- ОР — Отдел рукописей
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва.
- РГБ — Российская государственная библиотека. Москва.
- РГИА — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.

⁶⁶ Русский провинциальный некрополь. Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея // Река времён. Кн. IV. М., 1996. С. 378. Об обстоятельствах гибели И. И. Ржевского см.: *Гордон П.* Дневник 1677–1678 / Д. Г. Федосов, пер. с англ., ст. и примеч. М., 2005. С. 70.

Список литературы

- Авдеев А. Г.* К вопросу об иерусалимской символике древнерусских погребальных памятников // ВЭ. Вып. I. М., 2006. С. 202–215.
- Авдеев А. Г.* К истории старорусской эпитафии: Надгробие князя Фёдора Ивановича Трокурова // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Материалы научной конференции, Ярославль, 21–22 октября 2011 г. Ярославль, 2012. С. 209–222.
- Алексеев А. И.* Под знаком конца времён: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб.: Алетейя, 2002.
- Алексеев А. И.* Установление «общей памяти» при митрополите Макарии. Исторический экскурс: церковное поминавание умерших «напрасною» смертью // Макарьевские чтения. Вып. VI: Канонизация святых на Руси. Материалы VI Российской научной конференции, посвящённой Памяти Святителя Макария (10–12 июня 1998 года). Можайск: Можайск — Терра, 1998. С. 102–122.
- Афанасьева И. А.* Поминавание умерших всякого рода смертями (по материалам древнейших Синодиков-помянников) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 19–35. DOI: 10.7256/2454–0609. URL: http://npublish.com/library_read_article.php?id=27290. Заглавие с экрана. (Дата обращения: 20.09.2018).
- Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус Граффити, 1996.
- Беркович В. А., Егоров К. А.* Московское белокаменное надгробие: Каталог. М.: ООО «ТМ Продакш», 2017.
- Булычев А. А.* Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М.: Знак, 2005. (Studia historica).
- Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978.
- Владимир, иером.* Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль, 1913.
- Власов А. Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб.: изд-во Олега Абышко, 2010.
- Гордон П.* Дневник 1677–1678 / Д. Г. Федосов, пер. с англ., статья и примеч. М.: Наука, 2005. (Памятники исторической мысли).
- Дергачёва И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кругъ, 2004. (Памятники древнерусской книжности IX–XVII вв.: исследования и публикации).
- Дергачёва И. В.* Древнерусский Синодик. Исследования и тексты. М.: Кругъ, 2011. (Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты. Вып. VI).
- Добронравов В. Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир: типо-лит. В. Паркова, 1895.
- Добронравов В. Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 3: Суздальский и Юрьевский уезды. Владимир: типо-лит. В. Паркова, 1896.
- Ерусалимский А. А.* Между канонизированными и демонизированными: казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации // Одиссей: Человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен / А. О. Чубарьян, гл. ред.; С. И. Лучицкая, сост. М.: Наука, 2010. С. 361–390.
- Житие и страдание святого и праведного Иоанна Углецкого. Рыбинск: изд-во «ОАО Рыбинский Дом печати», 2011. (Письменные памятники древнего Углича. Вып. V).
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки / Н. И. Толстой, вступ. ст.; Е. Е. Левкиевская, подг. текста, ком-

- мент., указат. М.: Наука, 1995. (Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения).
- Золотов Ю. М.* Каменный крест XVII в. со станции Жилево // СА. 1960. № 3. С. 333–335.
- Калайдович К.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М.: в Университетской тип., 1823.
- Клейн В. К.* Надписи на гробницах в церкви Николая на Столпах. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1905.
- Курбатов О. А.* Военные реформы в России второй половины XVII века. Конница. М.: Квадрига, 2017. (Исторические исследования).
- Лебедев А. Е., свящ.* Историко-статистический очерк Псковогородской Варлаамовской церкви. Псков: тип. Псковского губернского правления, 1895.
- Левина Т. В.* Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // РСН—1. М.: Наука, 2006. С. 82–123.
- Левкиевская Е. Е.* Покойник «заложный» // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через реку) — С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 118–124.
- Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
- Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000.
- [*Максим Грек*] Инок Максима Грека послание на безумную прелесть и богомерскую мудрствующих, яко погребания для утопленого убитого бывають плодотворительны стужы земных прозябений // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. III. Казань, 1897. С. 138–145.
- Мартынов А. А.* Каменная летопись Москвы // Русский архив. 1895. Кн. 2. С. 97–109, 219–240, 383–395, 521–528.
- Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА). Вып. 1. Екатеринбургская, Оренбургская и Пермская епархии / Публ. Д. Н. Шилова. СПб.: ВИРД, 2003. (Русский некрополь. Вып. 14).
- Миллер Г.-Ф.* История Сибири. Т. III / Изд. подг. С. И. Вайнштейн, Е. П. Батянова. М.: Восточная литература, 2005.
- Мусин А. Е.* *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. (*Militaria Antiqua*, VIII).
- Надписи с Русских древних памятников до конца XVII века // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / К. Тихонравов, сост. и изд. М., 1857. С. 43–72.
- Николаева С. В.* Поминания воинов, жертв военных действий и репрессий как отражение социальной функции монастырей (на примере синодиков Троице-Сергиева монастыря) // Софійські читання. Матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції «Християнські святині — скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання» (м. Київ, 26–27 травня 2011 р.). Київ: ВД «АДЕФ-Україна», 2013. С. 117–127.
- Николаева Т. В.* К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // СЗГИХМЗ. 1960. Вып. 3. С. 181–190.
- Новгородская I летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 101–427.
- Новгородские писцовые книги. Т. VI: Книги Бежецкой Пятины. I. 1501 г. — II. 1551 г. — III. 1564 г. СПб.: Сенатская типография, 1910.

- Новгородские синодики XIV–XVII веков / Т. И. Шаблова, подг. текстов, исследование СПб.: Алетейя, 2017.
- Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб.: Археографическая комиссия, 1908. Стб. 83–102.
- Панченко В. Б., Фёдоров И. А.* Каменные кресты из д. Войносолово: новые исследования // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31: Материалы XXXI научной конференции, посвящённой 85-летию археологического изучения Новгорода. Великий Новгород, 25–27 января 2017 г. / Е. В. Носов, отв. ред. Великий Новгород: Любавич, 2017. С. 80–88.
- Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. XV).
- Плешанова И. И.* Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. 1966. Т. VI. С. 149–206.
- Плешанова И. И.* Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. 1978. Т. XII. С. 63–185.
- Русская вивлиофика, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы / Изд. Н. Полевой. Т. 1. М.: в тип. А. Семена при Императорской Медицинско-Хирургической Академии, 1833.
- Русский провинциальный некрополь. Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея // Река времён. Кн. IV. М.: «Эллис Лак», «Река времён», 1996.
- С. А.* Древний каменный крест (близ г. Шуи) // Владимирские губернские ведомости. 1846. № 34. Часть неоф. С. 156.
- Святославский А. В., Трошин А. А.* Крест в русской культуре. Очерк русской монументальной ставрографии. М.: Древлехранилище, 2000.
- Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
- Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). Подг. текста и иссл. Т. И. Шаболовой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. (Святые и святые Русской земли).
- Слова и Поучения Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 370–375.
- Топорков А. Л.* Магические тексты в устных и рукописных традициях России XVII–XVIII вв. // Одиссей: Человек в истории—2008: Script / Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время / А. О. Чубарьян, гл. ред. М.: Наука, 2008. С. 13–28.
- Уставная грамота патриарха Адриана, данная архимандриту Троицкого Сергиева монастыря Евфимию / Сообщ. А. Н. Попов // Временник ОИДР. 1851. Кн. 11: Смесь. С. 30–46.
- Устюжский летописец // ПСРЛ. Т. 37. М.: Наука, 1982. С. 104–125.
- [*Шереметевский В. Н.*] Русский провинциальный некрополь. Т. 1: Губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский. М.: изд-во Т-ва И. И. Кушнерев и К°, 1914. (репр.: СПб., 2006).
- Штырков С. А.* Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. (Kunstkamera Petropolitana).
- Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998.
- Яганов А. В.* По поводу происхождения памятного креста по стряпчему С. М. Пустошкину // ВЭ. Вып. V. М., 2011. С. 362–369.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2019. Vol. 86. P. 61–80
DOI: 10.15382/sturII201986.61-80

Alexander Avdeev,
Candidate of Sciences in History,
Associate Professor,
Department of Russian History,
Faculty of History,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
23B Novokuznetskaya Str., Moscow,
115184, Russian Federation
avdey57@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7253-9126

SUPERSTITIONS, FUNERAL CEREMONIES, AND OLD RUSSIAN EPIGRAPHY

A. AVDEEV

Abstract: This article analyses the narrative sources and epigraphic monuments of Muscovite Russia which are related to various cases of violent (“vain”) death (drowning, murder, etc.); these were traditionally regarded as an obstacle to being buried in a Christian cemetery and to the subsequent church commemoration. The data registered by ethnographers in the latter half of the 19th — 20th centuries made them believe that these views were leftovers of heathendom. The article draws on epitaphs of the 16th — early 18th centuries as well as on epistles of hierarchs of the Russian Orthodox Church and draws a conclusion about the absence of obstacles to being buried in a cemetery and to a regular commemoration of those who died a violent death. Besides, inscriptions on funerary crosses set up on the place of death symbolised martyrdom. The sources analysed allow us to believe that the death while being in czar’s service came to be regarded as one of the basic values of those in service since the 1560s. Moreover, my conclusion is that the superstitions in question are not related to heathendom. They originated in Christian times and were gradually overcome in the culture of commemoration during the 16th — 17th centuries being preserved in the background of the people’s consciousness.

Keywords: epigraphy of Muscovite Russia; funerary ceremonies; violent death; the dead; ceremonies of funerals and commemoration; paganism; Christian superstitions.

References

- Afanas’eva I. (2018). “Pominovanie umershikh vsiakogo roda smertiami (po materialam drevneishikh Sinodikov-pomiannikov)” [Commemorations of Those Who Suffered Various Kinds of Death]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia*, 2018, vol. 5, pp. 19–35 (in Russian).
- Avdeev A. (2006). “K voprosu ob ierusalimskoi simvolike drevnerusskikh pogrebal’nykh pamiatnikov” [On the Question of Jerusalem Symbolism of Old Russian Funerary Monuments]. *Voprosy epigrafiki*, 2016, vol. 1, pp. 202–215 (in Russian).
- Alekseev A. (1998). “Ustanovlenie «obshchei pamiati» pri mitropolit Makarii. Istoricheskii ekskurs: tserkovnoe pominovanie umershikh «naprasnoi» smert’iu” [Establishing of the “Shared Memory” in the Time of Metropolitan Makariy: Church Commemoration of

- Those Who Suffered Violent Death], in *Makar'evskie chteniia*, 6. Mozhaisk, pp. 102–122 (in Russian).
- Alekseev A. (2002). *Pod znakom kontsa vremeni: Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV — nachala XVI v.* [Under the Sign of the End of Time. Essays on Russian Religiosity of the the Late 14th — Early 16th Centuries]. St Petersburg (in Russian).
- Avdeev A. (2012). “K istorii starorusskoi epitafii: Nadgrobie kniazia Fedora Ivanovicha Troekurova” [On the History of Old Russian Epitaph: The Monument of Prince Fedor Ivanovich Troekurov], in *XIII Tikhomirovskie kraevedcheskie chteniia. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia Ilariona Aleksandrovicha Tikhomirova. Materialy nauchnoi konferentsii. Yaroslavl', 21–22.10.2011* [13th Tikhomirov's Workshop in Local History. 150th Anniversary of Ilarion Aleksandrovich Tikhomirov. Conference Proceedings. Yaroslavl, 21–22.10.2011], Yaroslavl, pp. 209–222 (in Russian).
- Beliaev L. (1996). *Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoi Rusi XIII–XVII vv.* [Russian Medieval Gravestone. White-Stone Slabs of Moscow and North-Eastern Russia of the 13th — 17th Centuries]. Moscow (in Russian).
- Berkovich V., Egorov K. (2017). *Moskovskoe belokamennoe nadgrobie: Katalog* [Muscovite White Gravestones: Catalogue]. Moscow (in Russian).
- Bulychev A. (2005). *Mezhdru sviatymi i demonami* [Between the Saints and the Demons]. Moscow (in Russian).
- Dergacheva I. (2004). *Posmertnaia sud'ba i «inoi mir» v drevnerusskoi knizhnosti* [Fate after Death and the “Other World” in Old Russian Booklore]. Moscow (in Russian).
- Dergacheva I. (2011). *Drevnerusskii Sinodik. Issledovaniia i teksty* [Old Russian Synodic. Studies and Texts]. Moscow (in Russian).
- Erusalimskii A. (2010). “Mezhdru kanonizirovannyimi i demonizirovannyimi: kazni Ivana Groznogo v kul'turno-simvolicheskoi interpretatsii” [Between the Consecrated and the Demonised: Executions of John the Terrible in Cultural and Symbolic Interpretation], in A. Chubar'ian, S. Luchitskaia (eds.). *Odissei: Chelovek v istorii. Puteshestvie kak istoriko-kul'turnyi fenomen* [Odysseus. Man in History. Travels as a Historical and Cultural Phenomenon]. Moscow, pp. 361–390 (in Russian).
- Fedosov D. (ed., transl.) (2005) *P. Gordon. Dnevnik 1677–1678* [P. Gordon. Diary of 1677–1678]. Moscow (in Russian).
- Iaganov A. (2011). “Po povodu proiskhozhdeniia pamiatnogo kresta po striapchemu S. M. Pustoshkinu” [On the Origin of the Commemoration Cross for S. M. Pustoshkin]. *Voprosy epigrafiki*, vol. 5, pp. 362–369 (in Russian).
- Iurganov A. (1998). *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow (in Russian).
- Kurbatov O. (2017). *Voennye reformy v Rossii vtoroi poloviny XVII veka. Konnitsa* [Military Reforms in Russian of the Second Half of the 17th Century. Cavalry]. Moscow (in Russian).
- Levina T. (2006). “Belokamennoe nadgrobie XV — nachala XVIII veka. Sbranie muzeia-zapovednika «Kolomenskoe»” [White-Stone Gravestone of the 15th — Early 18th Centuries. Collection of the Museum-Preserve “Kolomenskoe”], in Beliaev L. (ed.) *Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Materialy k svodu* [Russian Medieval Gravestones: Materials for the Catalogue], Moscow, pp. 82–123 (in Russian).
- Levkivskaia E. (2009). “Pokoinik «zalozhnyi»”, in Tolstoi N. (ed.) *Slavianskie drevnosti. Etnolingvistikskii slovar'* [Slavonic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary], vol. 4, Moscow, pp. 118–124 (in Russian).
- Loginov K. (2010). *Traditsionnyi zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozer'ia: obriady, obychai i konflikty* [Traditional Life Cycle of Russians of Vodlozerie: Rites, Customs, Conflicts]. Moscow; Petrozavodsk (in Russian).

- Lukin P. (2000). *Narodnye predstavleniia o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka* [Folklore Concepts of State Authorities in Russian of the 17th Century]. Moscow. (in Russian)
- Musin A. (2005). *Milites Christi Drevnei Rusi. Voinskaia kul'tura russkogo Srednevekov'ia v kontekste religioznogo mentaliteta* [Military Culture of Russian Middle Ages in the Context of Religious Mentality]. St Petersburg.
- Nikolaeva S. (2013). "Pominaniia voinov, zhertv voennykh deistvii i repressii kak otrazhenie sotsial'noi funktsii monastyrei" [Commemoration of Warriors, Victims of Military Conflicts and Repressions as a Reflection of the Social Function of Monasteries], in *Softis'ki chitannia*, Kiev, pp. 117–127 (in Russian).
- Nikolaeva T. (1960). "K izucheniiu nekropolia Troitse-Sergievoi lavry" [Study of the Graveyard of Troitse-Sergieva Lavra]. *Soobshcheniia Zagorskogo gosudarstvennogo istoriko-khudozhestvennogo muzeia-zapovednika*, 1960, vol. 3, pp. 181–190 (in Russian).
- Panchenko V., Fedorov I. (2017). "Kamennye kresty iz d. Voinosolovo: novye issledovaniia" [Stone Crosses from the Village of Voinosolovo: New Studies]. *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istorii i arkheologiia*, 2017, vol. 31, Novgorod, pp. 80–88 (in Russian).
- Paperno I. (1999). *Samoubiitstvo kak kul'turnyi institut* [Suicide as a Cultural Institution]. Moscow (in Russian).
- Pleshanova I. (1966). "Keramicheskie nadgrobnye plity Pskovo-Pecherskogo monastyria" [Ceramic Gravestones of Pskovo-Pechersky Monastery]. *Numizmatika i Epigrafika*, 1966, vol. 6, pp. 149–206 (in Russian).
- Pleshanova I. (1978). "Kamennye nadgrobnye plity Pskovo-Pecherskogo monastyria" [Stone Funerary Slabs of Pskovo-Pecherskiy Monastery]. *Numizmatika i Epigrafika*, 1978, vol. 12, pp. 63–185 (in Russian).
- Sviatoslavskii A., Troshin A. (2000). *Krest v russkoi kul'ture* [Cross in Russian Culture]. Moscow (in Russian).
- Sedakova O. (2004). *Poetika obriada. Pogrebal'naia obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian* [Poetics of the Rite. Funerary Rites of Eastern and Southern Slavs]. Moscow (in Russian).
- Shtyrkov S. (2012). *Predaniia ob inozemnom nashestvii: krest'ianskii narrativ i mifologiia landshafta* [Legends on Foreign Invasions: Farmer's Narrative and Mythology of Landscape]. St Petersburg (in Russian).
- Tolstoi N., Levkieskaia E. (eds.) (1995). Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: umershie neestestvennoi smertiiu i rusalki* (Zelenin D. K. Selected Works. Essays on Russian Mythology: those died a violent death and mermaids). Moscow (in Russian).
- Toporkov A. (2008). "Magicheskie teksty v ustnykh i rukopisnykh traditsiiakh Rossii XVII–XVIII vv." [Magical Tests in Oral and Hadwritten Traditions of Russia in the 17th – 18th Centuries], in A. Chubar'ian (ed.) *Odissei: Chelovek v istorii* [Odysseus: Man in History], Moscow, pp. 13–28 (in Russian).
- Vainshtein E., Bat'ianova S. (eds.) (2005). Miller G.-F. *Istorii Sibiri* [History of Siberia], vol. 3. Moscow (in Russian).
- Veletskaia N. (1978). *Iazycheskaia simbolika slavianskikh arkhaiskikh ritualov* [Pagan Symbolism of Archaic Slavonic Rites]. Moscow (in Russian).
- Vlasov A. (2010). *Zhitiinye povesti i skazaniia o sviatykh iurodivykh Prokopii i Ioanne Ustiuzhskikh* [Vitae and Narratives on the Saints Prokopiy and Ioann of Ustyug]. St Petersburg (in Russian).
- Zolotov Iu. (1960). "Kamennyi krest XVII v. so stantsii Zhilevo" [Stone Cross of the 17th Century from Station Zhilevo]. *Soviet Archaeology*, 1960, vol. 3, pp. 333–335 (in Russian).